

УДК 81`22+81`37+ 81`271

DOI 10.17516/2311-3499-037

О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВЫБОР СЛОВА ГОВОРЯЩИМ**Б.Ю. Норман**

В статье рассматриваются такие категории современной лексикологии, как паронимия, агнонимия и таронимия. На многочисленных примерах из русской художественной литературы (классической и современной) показано, что на процесс выбора говорящим нужного слова влияют как семантические, так и формальные (звуковые) факторы. Результатом нередко становятся речевые ошибки. Влияние фонетического фактора особенно заметно в поэтических текстах. Особое внимание в статье уделяется случаям сознательного (намеренного) использования неточного, приблизительного названия (будденброк – «неопытный человек», хламидомонада – «одеяние», брахмапутра – «ерунда, глупость» и т.п.). Описываются условия современной речевой среды, способствующие тому, что значение слова становится диффузным. Отмечается прагматический и эстетический эффект, возникающий от расшатывания соответствия формы и значения. Обсуждается связь этих явлений с теорией нечетких множеств и лингвистических переменных Л. Заде.

Ключевые слова и фразы: паронимия; агнонимия; таронимия; речевая деятельность; неточное словоупотребление; речевая ошибка; диффузия языкового знака; русский язык.

Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006)

FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF THE WORD BY SPEAKER**B.Ju. Norman**

The article considers such categories of contemporary lexicology as paronymy, agnomy and taronymy. Numerous examples from Russian literature (classical and modern) are given to demonstrate that both semantic and formal (sound) factors influence the process of choosing the right word by a speaker. This often results in speech errors. The influence of phonetic factor is especially noticeable in poetic texts. Special attention in the paper is paid to the cases of deliberate (intentional) use of an inaccurate, approximate name (buddenbrook – “an inexperienced person”, chlamydomonas – “attire”, brahmaputra – “nonsense”, etc.). The author describes the conditions of present-day speech environment that contribute to the fact that the word meaning becomes diffused. The pragmatic and aesthetic effect arising from the weakening of the correspondence between the form and meaning of the word is noted. The connection of these phenomena with L.A. Zadeh’s theory of fuzzy concepts and linguistic variables is discussed.

Keywords and phrases: paronymy; agnomy; taronymy; speech activity; inaccurate word usage; speech error; language sign diffusion; Russian language.

Введение

В процессе речевой деятельности нередко встречается ситуация, когда говорящий испытывает затруднения в подборе нужного слова. Он колеблется, тянет время (это так называемые паузы хезитации), использует ничего не значащие междометия или местоимения (э-э, как *его, это, того, в общем* и т.п.) или же просто вставляет приблизительное, подвернувшееся под руку название. Приведем в качестве примера один речевой фрагмент, в котором говорящий описывает свои гастрономические впечатления:

...Крабы, бобы, грейпфруты, но не просто грейпфруты, а гораздо лучше и... штучки мясные... я даже не знаю, как назвать эти шипящие на решетке... не кебабы, кебабы я знаю... эти шипящие с луком на раскаленном железе... куинджи... не куинджи, Куинджи – это художник... не знаю, не знаю, как это назвать, но я это ел! Четыре дня каждое утро (С. Юрский. Сеюки).

Наблюдения над разговорной речью и над художественными текстами, а также результаты психолингвистических экспериментов позволяют утверждать, что поиск и выбор нужного слова ведется говорящим по «тезаурусному» принципу: от смысловой сферы (темы), сужаясь, – к обобщенному классу слов (лексико-семантической группе), а от нее – к конкретной лексеме. Классический пример такой ситуации зафиксирован в рассказе А.П. Чехова «Лошадиная фамилия» (и само название не случайно стало нарицательным): участники ситуации пытаются напомнить главному герою фамилию, связанную с лошадей, и предлагают варианты вроде *Жеребцов, Кобылин, Копытин, Тройкин, Меринов...* Поиск ведется в разных направлениях, и пути мысленного ассоциирования, естественно, упираются в словообразовательные возможности данного языка (см.: [Норман 2011: 45–53]).

Но при этом нейрофизиологи и психолингвисты, изучавшие речевую деятельность экспериментальными методами, со всей определенностью утверждают, что доминируют в этом процессе смысловые связи. А.Р. Лурия в своих пионерских работах по нейролингвистике показывал, что «вокруг каждой лексической единицы действительно создается многомерная сеть связей, причем в норме преобладающую роль играют смысловые связи (семантическое поле), тормозящие звуковое сходство...» [Лурия 1975: 36]. И в более поздних экспериментальных исследованиях подтверждалось, что «реакции по созвучию, как правило, относились к категории второсортных: диффузных, примитивных, простых и т.п.» [Ушакова 1979: 46].

Представляет интерес, как в сознании носителя языка в процессе порождения речи взаимодействуют между собой смысловые и формальные основания для выбора конкретной лексической единицы.

Паронимия, агнонимия, таронимия

Среди особых дискурсивных условий, в которых формальные (звуковые) связи могут как раз превалировать, брать верх, следует специально отметить ситуацию поэтического творчества. О том, что здесь, в поэзии, звук становится равным смыслу или даже определяет смысл, многократно говорили и писали поэты. В частности, Иосифу Бродскому принадлежит такое признание:

Поэт работает с голоса, со звука. Содержание для него не так важно, как это принято думать. Для поэта между фонетикой и семантикой разницы почти нет (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским).

Приведем только одну подтверждающую иллюстрацию – строфу из стихотворения Бориса Пастернака, большого мастера звукописи:

*Облака над заплаканным флоксом,
Обволакивав даль, перетрафили.
Цветники, как холодные кафли,
Город кашляет школой и коксом
(«Осень»).*

Кроме общего эмоционального настроения – конец лета, наверное, утро, пасмурно и прохладно, начинают топить... – в этом тексте трудно найти какие-то конкретные референтные отсылки и логические связи. Но зато бросается в уши инструментовка – на *к, л, п/б, ф/в...* Можно представить эту строфу в таком виде:

**Облака над заплаканным флоксом,
Обволакивав даль, перетрафили.
Цветники, как холодные кафли,
Город кашляет школой и коксом.**

Говоря о силе звуковых ассоциаций, следует иметь в виду не только стихотворное, но вообще – литературное творчество. Приведем соответствующее свидетельство.

Л. Пантелеев (один из авторов «Республики ШКИД») вспоминает, как он редактировал свой рассказ «Пакет», в котором красноармеец-связной попадает в плен к врагам, к белогвардейцам. И генерал Мамонтов, приступая к допросу, говорит сквозь зубы:

– Ага! *Засыпался, сукин сын?!*

В редакции, однако, попросили это ругательство *сукин сын* заменить чем-нибудь более деликатным. И далее – по тексту воспоминаний:

Над этой репликой я, помню, сидел несколько дней. И наконец нашел замену:

– Ага! *Попался, ангел мой!*

По смыслу, пожалуй, даже лучше стало, смешнее. Сиволопый медведь, бурбон в мохнатой папахе, злые, ненавидящие глаза и – вдруг:

– Ангел мой!

Но читать вслух эту реплику я не могу. Не читается. Что же произошло? А произошло то, что первая реплика была злой, сардонической, даже зловецей. Помогали этому ощущению пять свистящих звуков «З» и «С»:

– *ЗаСыпалСя Сукин Сын?!*

Теперь же, с ангелом, фраза приобрела совсем иное звучание, стала мягкой, округлой, почти добродушной (Л. Пантелеев. Из старых записных книжек).

Очевидно, при выборе языковой единицы писатель или поэт учитывает не только собственно лексическое значение слова, но и его прагматическую значимость. И звуковая оболочка может сыграть в данном плане огромную роль. Для рядового же носителя языка план выражения – скорее вспомогательное средство, сопровождающее смысловой поиск. Приведем для иллюстрации один уже использованный ранее пример (см.: [Норман 2011: 59]).

В компании филологов заходит речь о лечебных свойствах продуктов пчеловодства. И хозяин дома хочет поделиться своими знаниями в этой области, только не может вспомнить названия нужного ему вещества – клея, вырабатываемого пчелами и используемого в медицине.

Он говорит:

– *Ну этот, пенопласт...* (хорошо понимая «чуждость», неправильность этого названия).

И чуть позже:

– *Как его, палимпсест...*

У присутствующих тоже вертятся в голове какие-то имена вроде «эллинических» *Персефона* или *Петрополис*. И, наконец, хозяйка дома вспоминает:

– *Прополис! Мы говорим о прополисе!*

Вообще ситуация эта – довольно типичная. Она служит примером того, как в процессе поиска слова в памяти активизируются фонетические связи, и так же естественно результатом бывают обмолвки – неправильно выбранные слова. В пятитомной «Психологии речи» австрийского психолога Ф. Кайнца большой раздел посвящен речевым ошибкам (обмолвкам, ослышкам, опискам, опечаткам). Показано, что в основе значительной их части лежит смешение формальных образов слов [Kainz 1967: 398–450].

«Блуждание» говорящего вокруг денотата [Ляпон 1992: 79–82] – это, конечно, неосознаваемая, стихийная деятельность. Но когда она выходит наружу, озвучивается, то у нее уже можно найти и социальный компонент: говорящий делает участником этого процесса собеседника, может быть, даже ищет у него поддержки или помощи (если это допускается условиями диалога).

Характерно, что и в словарях ассоциативных норм среди ассоциаций, которые дают испытуемые на слово-стимул, встречаются реакции явно фонетического характера (основанные на рифме или ассонансе). Конечно, по сравнению с ассоциациями семантического плана количество их весьма невелико, но они есть. Приведем несколько примеров из [Словарь ... 1977]:

ГОСТЬ – кость (18), гвоздь (5), вождь, грусть, остро, сесть, тост (1).

ДОЧЬ – печь (3), ночь (2), прочь (1).

СЛАВА – слабый, слово (2), Владислав, сладкое, хвала (1).

ТОЧКА – два крючочка (4), ручка (3), бочка (2), два кружочка, кочка, точить (1).

УГОЛ – уголь (20), круглый, угорь (1).

ФОРМА – формула (3), норма (2), форточка, форум (1) (в скобках указано количество соответствующих реакций).

Таким образом, можно утверждать, что среди направлений, по которым говорящий подыскивает нужное название, присутствует и фонетический вектор, основанный на представлении о звуковом составе слова.

В то же время у проблемы звуковых ассоциаций есть и другая сторона: формальное сходство слов – вообще нередкое явление в языковой системе. Это формальное сходство, как топор, подложенный негодяем Негоро под компас в известном романе Жюль Верна, сбивает говорящего с нужного пути. Такой «топор» имеет научное название: **паронимия**. Классические случаи паронимии в русском языке – это *абонент* и *абонемент*, *адресат* и *адресант*, *орудие* и *оружие*, *проблема* и *дилемма*, *обструкция* и *абстракция*, *скрытый* и *скрытный*, *дефектный* и *дефективный*, *жестко* и *жесткоко*, *одеть* и *надеть* и т.п. Но если подходить к процессу порождения речи широко, то можно сказать, что и *пенопласт*, *Персефона*, *Петрополис* и *прополис* в приведенной ранее ситуации – это тоже паронимы: разные слова с подобной, напоминающей друг друга формой.

По сути, в паронимии можно видеть не только своего рода сбой, неисправность в работе речевого механизма, но и закономерное проявление логики в языке: по наивному представлению носителя языка, одной форме должно в идеале соответствовать одно значение. Соответственно, семантическое сближение формально сходных слов призвано «укрепить» лексическую систему. В связи с этим уместно вспомнить слова В. фон Гумбольдта: «Вполне естественно обозначать родственные понятия с помощью родственных звуков» [Гумбольдт 1984: 90]. Обычный человек как бы просто исправляет ошибку языковой природы.

На смешении близких по форме слов основан такой речевой прием, как каламбуры. Широко известны анекдоты, основывающиеся на формальной близости в русском языке лексем *аксакал* и *саксаул*, *ветеран* и *ветеринар*, *компетенен* и *Копенгаген*, *филателист* и *сифилитик* и т.п. – все они обязаны собой явлению паронимии.

Разумеется, обмолвки, имеющие место в реальном общении, отражаются и в художественной литературе. Вот один пример:

Хуже всего с образованием обстояло у Кирилла – он, <...> пытаясь соответствовать своим новым друзьям, пристрастился к иноязычным словам, которыми козырял часто не к месту, путая метафору с метаморфозой, а мизантропа с филантропом (В. Соловьев. Сердца четырех).

Тем более естественны случаи смешения формально близких слов в детской речи (ребенок еще только осваивает словарный фонд). Так, один из персонажей повести Льва Кассиля – мальчик Оська – регулярно путал слова.

Однажды, прося маму намазать ему бутерброд, он сказал:

– Мама, намажь мне браманутер...

– Боже мой, – сказала мама – это какой-то вундеркинд.

Через день Оська сказал:

– Мама! А в конторе тоже есть вундеркинд: на нем стучают и печатают.

Он перепутал “вундеркинд” и “ундервуд” (Л. Кассиль. Конduit и Швамбрания).

Показателен и следующий пример.

В школе нас учили новым песням: “Широка страна моя родная” и еще какой-то непонятной песне со сложным мотивом – “Заводы, вставайте, шеренги смыкайте, на битву шагайте, шагайте, шагайте!” Мы не знали, что такое “шеренги”, и пели “ширинки смыкайте”,

справедливо думая, что какая же битва с расстегнутой ширинкой. Позже узнал, что это песня немецкого антифашиста Эрнста Буша (В.И. Клементьев. О селе, о семье, о себе).

Конечно, в случае с речевыми ошибками на паронимической основе легче всего упрекнуть говорящего в неаккуратном обращении с языком, в приблизительном знании слова, в недостаточной образованности и т.д. В лингвистической литературе появился специальный термин: **агнони́мы**, т. е. слова, знакомые человеку по внешней форме, но недостаточно ясные по значению (см.: [Морковкин, Морковкина 1997]). Агнони́мы составляют объект специальной лексикографии и прикладной дисциплины – культуры речи. Но употребление неточных, приблизительных названий не обязательно вызывается формальным (звуковым или буквенным) сходством слов. Слова могут объединяться в сознании человека и по семантическим признакам. Не каждый даже образованный носитель русского языка может четко и быстро объяснить, чем различаются *шу́рин* и *деверь*, *едино́родный* и *единоу́тробный*, *наивный* и *легкомысленный*, *футля́р* и *чехол*, *рацион* и *диета*, *симпто́м* и *синдро́м*, *голый* и *нагой*, *навзничь* и *ничком*... А что говорить о человеке с невысоким уровнем языковой компетенции?

Приведем характерную иллюстрацию из художественного текста, отражающую сбой в выборе слова:

*КОЛЯ. ...Даже вот этих жуков собирать кучу целую, собирать, да? Посушить их, на иголочку вот так вот натыкнуть – раз! – покрывать лаком потом и продавать на базаре этим... ну как их? **Нумизматам**, вот!*

ЗОЯ. Кому-у-у?

КОЛЯ. Ну, этим... Ну, тем, кто их собирает... (Н. Коляда. Колдовка).

Слово *нумизмат* обозначает коллекционера монет (и вообще денежных знаков), а здесь оно употреблено, очевидно, в значении вообще «коллекционер» (или «энтомолог»); достаточным основанием для говорящего является сема ‘коллекционирование’ в семантике *нумизмат*.

То, что формальные и смысловые связи слов в процессе речепорождения объединяются, взаимодействуют, привело к появлению новой категории в лексикологии: **тарони́мии**. Тарони́мии – это вообще все слова, смешивающиеся в сознании человека и, соответственно, в речи (см.: [Мандрикова 2011]).

Выделение тарони́мии в особый объект исследования оправдывается, в частности, теми сложными комплексами формально-семантических связей, которые образуются в голове у человека. Дело в том, что словесные ассоциации в сознании могут выстраиваться в целые цепочки, и смысловое основание в них может чередоваться со звуковым [Норман 1994: 71–72]. Например, среди реакций на стимул **СТОЛ** в [Словарь 1977] зафиксирован ответ *телеграф*. Он только на первый взгляд кажется странным; для его объяснения стоит восстановить умственную цепочку *стол – столб – телеграф (телеграфный столб)*. Среди реакций на стимул **БЕЛЫЙ** есть ответ *квадрат*; скорее всего это результат последовательной ассоциации **БЕЛЫЙ – черный – квадрат** («Черный квадрат» – известное полотно К. Малевича). А реакция *хлев* на слово-стимул **ЧИСТЫЙ** так же, очевидно, опосредована звеном *грязный*...

Представляет интерес следующее наблюдение над особенностями творческой манеры Осипа Мандельштама:

Мандельштам, в противоположность Пастернаку, объяснял Эмме Герштейн свой метод как “мышление опущенными звеньями” – то есть отказ от цепочки: рядом ставятся первое и последнее слово прихотливого ассоциативного ряда, а прочее читатель волен домысливать сам. Мандельштам еще называл это “отдаленным знакомством слов”... (Д. Быков. Пастернак).

Таким образом, паронимия оказывается только одним, частным случаем тарони́мии, потому что говорящий находится не только «под давлением формы», но и под воздействием смысловых связей. А тарони́мии – широкая антропоцентрическая категория, объект изучения не только для лексикологии, но и для психологии и теории эстетики. Нередко она используется со специальными целями – и отражение этого мы опять-таки находим в художественной литературе.

Там таронимия служит для характеристики персонажа или же для придания авторскому тексту особых прагматических оттенков.

...У него пятеро ребятшек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной **чеснок** сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом... (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный; здесь *чеснок* – ‘малышня, малые дети’).

– Не могу. Я его люблю. Все остальные – **амбалы** рядом с ним.

– Амбал – это что?

– Не знаю. Сарай. Или плита бетонная... (В. Токарева. Ничего особенного; здесь *амбал* – ‘нечто неодушевленное’, ‘предмет’).

Я красиво помню, что все три его повести разошлись **гастрономическими** тиражами (Б. Кенжеев. Обрезание пасынков; здесь *гастрономическими* – вместо *астрономическими*).

ФЕДОРОВНА. ...Как мне бабушку вашу жалко! Сидит тихая, **нерушимая**, глаза открытые, а ничего не просит (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом; здесь *нерушимая* – ‘недвижимая, не шевелится’).

Нельзя, конечно, сказать, что Чистяков влюбился в Лизу, будучи совершенным **будденброком** в сексе (Ю. Поляков. Апофегей; здесь *будденброк* – ‘наивный, неопытный человек’).

...Конечно, дети – это **клеверты** в оранжерее нашего общества, которое должно их любить и ухаживать... (Л. Дуров. Байки на бис; здесь *клеверты* – это ‘цветы’, ‘редкие растения’ т.п.).

Идет, такая величественная, а на раменах ее накинута такая **хламидомонада** (Вен. Ерофеев. Из записных книжек; здесь *хламидомонада* – ‘хламида, одеяние’).

Использование приблизительных номинаций

В данном случае нас интересуют не столько случайные «сбои» в процессе речепроизводства, вызванные недостатком языковой компетенции, сколько преднамеренное, сознательное использование неточных, приблизительных названий. Здесь мы сталкиваемся с целым рядом фактов. Для начала вспомним чрезвычайно распространенные в русской речи примеры жаргонизмов, которые постепенно утрачивают свою социолектную окраску и становятся просто разговорными словами:

Губа ‘гауптвахта’, *шпора* ‘шпаргалка’, *молоток* ‘молодец’, *контра* ‘контрольная работа’, *устаканиться* ‘установиться, стабилизироваться’, *стопудово* ‘стопроцентно’, *фанера* ‘фонограмма’, *шеф* ‘шофер’, *самопальный* ‘самодельный’, *клава* ‘клавиатура’ и т.п.

Понятно, что во всех подобных случаях перенос значения основан на формальном сходстве слов [Норман 2009: 241–244]. Он случаен для отдельного слова, но, очевидно, закономерен в масштабах всего языка: формальное сходство приводит к сближению и переносу значений.

А.Е. Супрун в одной из своих научно-популярных книг писал по конкретному поводу: «Незнание значения слова проявляется в двух основных типичных ошибках. Неверно будет назвать крокодила *бегемотом* или велосипед *сохой*. Из такого словоупотребления будет следовать, что говорящий, во-первых, не знает наименований для крокодила и велосипеда, а, во-вторых, не знает значений слов *бегемот* и *соха*» [Супрун 1978: 78–79].

И вот оказывается, что в определенных дискурсивных условиях, с определенной целью крокодил может быть назван бегемотом! И традиция эта довольно старая – подобные примеры мы встречаем уже в литературе начала XX века:

...А ежели любите суп, то из супов наилучший, который засыпается кореньями и зеленьми: морковкой, спаржей, цветной капустой и всякой тому подобной **юриспруденцией** (А.П. Чехов. Сирена).

...К вам в комнату войдешь – как палкой по носу. И банки, и склянки, и флаконы, и одеколоны – настоящая **обсерватория** (Тэффи. За стеной).

Пристрастием к неточным, приблизительным названиям отличается, как известно, проза Андрея Платонова. Это сразу проявляется в сочетаемости слов. Так, если брать только

атрибутивные словосочетания, то здесь встречаются: *корявый человек, беспрекословная рука, неуместное сердце, предсмертные мухи, приблизительная невеста, сытая шубка, безлюдное солнце* и т.п. Выбор писателем таких номинаций, очевидно, не случаен. Как отмечают исследователи, «большинство так называемых языковых аномалий у писателя имеют ментальную, а не вербальную природу» [Радбиль 2017: 475]. Иными словами, необщепринятые, неконвенциональные названия призваны не только активизировать креативный потенциал читателя, но и расширить его когнитивный кругозор; они заставляют искать новые грани в знакомых предметах...

Но в современных текстах эта тенденция явно усиливается:

ЗИНА. Не городи брахманутру! Она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к себе! (Н. Коляда. «Мы едем, едем, едем»).

Прикопив однажды денег и купив этой самой спаржи заодно с рукколой, Татьяна убедилась, что есть такую гадость невозможно... Теперь на всякую непонятную ей вещь и к тому же не внушающую доверия она говорила:

– *Ишь ты, руккола* (Н. Андреева. Правая рука смерти).

Теперь: в стене две рваные темные раны, выпали гвозди, которые когда-то вбивал Некто, не будем вспоминать. То есть это не гвозди, а как-то они иначе называются... Но эти негвозди были вбиты в конце концов, и в конце концов все рухнуло (Л. Петрушевская. В доме кто-то есть).

Кое-кто листал раскиданные по дому глянцевые журналы с яхтами и интерьерами, украшенными, как я люблю, гардинами из материала, который, – скорее всего, ошибочно, – хочется назвать миткалем (Б. Кенжеев. Обрезание пасынков).

Ведь кто контролирует дверь в туалет, тот в семье и Уго Чавес (Слава Сэ. Сантехник, его кот, жена и другие подробности).

В чем же здесь дело? Почему человек, который, возможно, и знает для предмета (и понятия) «настоящее» название, предпочитает название чужое, «неправильное»? И почему он не предпринимает усилий, чтобы обойти это затруднение с помощью описательного наименования?

Нечетко-множественная природа языка

По-видимому, дело в самой природе языка, допускающей или даже предполагающей определенную свободу в использовании знака. Возможность выбора единицы – одно из принципиальных свойств речевой деятельности, а в ткани языка ему соответствует вариативность и размытость двух сторон знака. Этим свойствам – неопределенности, приблизительности, заложенным в языковой системе, посвящена, в частности, капитальная монография немецкой исследовательницы Сабине Дённингхаус. Автор заключает: «Лишь немногие эмпирически наблюдаемые явления могут быть в научном отношении абсолютно точно и бесспорно категоризированы и соответствующим образом прецизионно обозначены. Трагедии в этом, в общем-то, нет, поскольку соответствующие коммуникативные потребности определяют степень точности языковых выражений, и языковой и ситуативный контекст, так же как знания участников коммуникации, способствуют конкретизации и сокращению неопределенности» [Dönninghaus 2005: 579].

Исследовательница видит прямую связь свойственной языку неопределенности с коммуникативными технологиями: с Принципами Кооперации (Г.П. Грайс) и так называемым хеджингом, т.е. стремлением избегать категоричности в общении и необходимостью сопровождать свое мнение долей сомнения.

Лингвисты с пониманием и интересом отнеслись к теории нечетко-множественной природы языка, предложенной американским математиком и логиком Л. Заде. Идеи нечеткой логики оказываются чрезвычайно важными при определении границ лексико-семантических классов, частей речи и т.п. Известная русскоязычному читателю книга этого ученого начинается со следующего определения: «Лингвистической мы называем переменную, значениями которой являются слова или предложения естественного или искусственного языка» [Заде 1976: 7].

Проще говоря, значение слова можно истолковать с помощью других (при этом разных!) слов. То, что для математика и логика является частным случаем соотношения между двумя феноменами, для языка составляет его природу!

Тем самым случаи таронимии становятся в один ряд со многими другими фактами современной русской речи. Среди них – активизация показателей приблизительности. Частое употребление «неких смягчающих междометий» (В.Г. Костомаров) – *типа, типа того что, вроде, как бы, вообще, не то чтобы* и т.п. – стало одним из символов современного речевого общения. В следующей цитате драматург делает акцент на этом явлении:

ВАЛЕРИЙ ИЛЬИЧ. ...Давайте выпьем, действительно, за знакомство как бы. Должен сказать, я в вопросах любви и брака как бы, так сказать, очень как бы щепетилен. Я к этому отношусь как бы настороженно. У нас с войсках, так сказать, всегда постольку-поскольку... (Н. Коляда. Дураков по росту строят).

А, кроме того, в языке существуют еще другие многообразные формы сигнализации приблизительности (словообразовательные, морфологические, синтаксические), что позволяет говорить о формировании целой семантической категории аппроксимации [Адамович 2011].

Заслуживают внимания также номинативные биномы разной степени устойчивости: *руки-ноги, вилки-ложки, нитки-иголки, газеты-журналы, фрукты-овощи, банки-бутылки, качели-карусели, китайцы-японцы, петрушка-морковка, пригорки-ручейки* и т.п. Они приходят, конечно, из разговорной речи, но получают широкое распространение в публицистике и художественной литературе. Особого внимания заслуживает их семантика. *Руки-ноги* это ведь не ‘руки’ + ‘ноги’, а приблизительное понятие «части тела»; *вилки-ложки* – не ‘вилки’ + ‘ложки’, а «столовая посуда», *китайцы-японцы* – не ‘китайцы’ + ‘японцы’, а «экзотические восточные народы»... Очевидно, мы имеем здесь дело с особым способом выражения нечетких, размытых понятий более высокого уровня обобщения. Два литературных примера:

Ему нравится жить в пустой деревне с кошкой-собакой. Иногда сбегает на лыжах в соседнюю деревню в магазин за хлебом-молоком (Л. Улицкая. Общий вагон).

А Лубянка? Когда Дзержинский-Менжинский в Москву из Питера переезжали, они же могли под свою контору любую недвижку взять, ан нет... (Б. Акунин, Г. Чхартишвили. Кладбищенские истории).

Среди новых жанров, появляющихся в русской речи, встречаются такие, которые не боятся двусмысленности, а наоборот, эксплуатируют и по-своему поощряют ее. Таков, в частности, кроссворд в его сегодняшнем понимании. Здесь сплошь и рядом используются приблизительные, «зашифрованные» толкования, которые должны придать процессу отгадывания слова дополнительный эстетический или людический эффект. Примеры из современных газетных изданий:

- Ассорти** из жен султана (*гарем*)
- Гараж** на службе авиации (*ангар*)
- Ошейник** для декольте дамы (*колье*)
- «**Деталь**» от молекулы (*атом*)
- Утечка** из Везувия (*лава*)
- Выстрел **хором** (*залп*)
- Коллега** храпа (*сап*)
- «**Бега**» в бассейне (*заплыв*).

Определению гарема как «ассорти» должна, очевидно, сопутствовать актуализация в сознании некоторого ряда понятий вроде «семья – коллектив – комплект – набор – ассорти»; определению атома как «детали» – актуализация понятий «элемент – часть – фрагмент – деталь»; определению сапа как «коллеги» – понятий «оппонент – спутник – друг – товарищ – коллега» и т.д.

Способствуют привыканию носителя языка к неточному словоупотреблению и тексты Интернета и рекламы – торговой, телевизионной, театральной и т.п., ср. названия фирм и сетевых

магазинов типа «Чайкоффский», «Буквоед», «Формула дивана», «Мужские игрушки», названия популярных телевизионных передач «Модный приговор», «Фабрика звезд», «Непутевые заметки», лозунги вроде «Отдыхай путево!», «Любовь есть!» (реклама продуктов мясокомбината), «Самый сумчатый магазин» (реклама магазина сумок «Кенгуру») и т.п.

Активизировалось в конце XX века создание «энтимологий», т.е. искусственных, ложных, игровых толкований хорошо известных слов, типа:

Брешь – грубая ложь;

Нудист – скучный докладчик;

Папье-маше – родители;

Шансонетка – женщина без шансов.

В свое время Д. Буттлер исследовала подобное явление (в ее терминологии, «каламбурные адидеации») на материале польского языка, ср.:

Ratownik – kupujący na raty;

Nieboga – ateista;

Biskup – kup drugi raz;

Kontrabanda – policja и т.п.

Но любопытно, что она считала этот вид языковой игры для польской культуры уже пройденным, историческим явлением: «Такое шутовское переосмысление слов в определенном смысле изжило себя; сегодня оно уже не появляется в сатирических и юмористических текстах» [Buttler 1974: 215]. Для русского же языкового сознания это, кажется, вполне актуальное увлечение.

Показательны и забавы типа «албантского» (или «олбанского») языка, принявшего одно время форму повальной эпидемии [Кронгауз 2013]. Они тоже расшатывают незыблемую прежде связь между формой и значением как двумя сторонами слова. Надо понимать, что написания вроде *красавчег* (вместо *красавчик*) или *превед* (вместо *привет*) возникли не от неграмотности, а от повышенного внимания к языку, от избытка речевого креатива! Не случайно «албантскому языку», или жаргону падонкаф, посвящены уже десятки научных статей. О других видах языковой игры, основанной на смешении формы и значения, см.: [Crystal 1998; Fónagy 2001: 275–474; Норман 2006 и др.].

Укладываются ли указанные факты в понятие потенциальных явлений или того, что В.Г. Костомаров считает широкой полосой *ненормы*, смазывающей противоречие между нормой и антинормой [Костомаров 2014: 119–131]? «Ненорма» у ученого сознательна, мотивирована, прагматична, и наш материал вполне отвечает этому критерию. Но обратим внимание на то, что рассмотренные явления реализуются в определенных дискурсивных (жанрово-стилистических, социолингвистических) условиях, а потому не вполне укладываются в границы потенциализмов и не претендуют в большинстве своем на языковое будущее.

Заключение

Приведенные выше факты весьма разнородны. Но представляется, что они все, так сказать, льют воду на одну мельницу, свидетельствуют об одной общей тенденции в речевом поведении современного носителя русского языка. Это – расширение дискурсивной сферы, в которой говорящий раскрепощается по отношению к языковой материи. Это, очевидно, связано и с демократизацией литературной нормы, но, по сути, это расшатывание канонической связи между формой и значением (ср.: [Залевская 1982: 43–46]). Поскольку же дисперсии, рассеиванию подвержены обе стороны языкового знака, то это ставит под сомнение тождественность знака самому себе. Имеет ли носитель языка право на такую деструкцию? Прочитую ответ известного лексикографа: «Диффузность, неопределенность, формальная и содержательная энтропия обеспечивают говорящему по-русски своеобразный речевой комфорт – экспрессию свободного самовыражения, речевого творчества, подвижности форм и значений, свободной и непринужденной коммуникации» [Химик 2011: 719].

Можно даже попытаться списать эти особенности на природу загадочной русской души: «В русском национальном характере, в поведении русских, в политике традиционно проявляется непоследовательность, неясность, неопределенность. Отсюда и прогрессирующая диффузность номинаций, значений и форм» [Там же].

Но заметим, что стихийность и безалаберность как черты русского характера извечны, а «диффузность» речевого поведения прогрессирует именно в последнее время. Поэтому она скорее имеет отношение не к национальному характеру, а к происходящим в обществе преобразованиям и к перестройке речевой компетенции носителя языка. Склонность к «неконвенциональным» номинациям можно расценивать как актуальную демонстрацию нечетко-множественной природы языка и укрепление его аппроксимационного потенциала. Нет, кажется, оснований переносить эти коммуникационные подвижки на ментальную и культурную сферу. Вообще что касается последних, то, на наш взгляд, говорить об изменениях степени диффузности мыслительных категорий следует чрезвычайно осторожно. Ученые-социобиологи подчеркивают значимость врожденных генетических факторов, ограничивающих или тормозящих развитие поведенческих инноваций: «Полученные за последние десятилетия данные наводят на мысль, что, хотя культурные “мутации”, новые поведенческие стереотипы и мыслительные стратегии возникают в результате активности сознания, сами инновационные формы этой активности находятся под контролем генетических факторов» [Меркулов 2000: 71].

Таким образом, языковые подвижки выглядят значительно мобильнее инертных стереотипов мыслительной деятельности. Но тем больший интерес они представляют для собственно коммуникативных исследований. Эволюционные изменения, которые накапливаются в речевой практике носителя языка, могут служить средством диагностирования новаций в общественных отношениях.

Литература

- Адамович С.В. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. 184 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984. 398 с.
- Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. Москва: Мир, 1976. 165 с.
- Залевская А.А. О некоторых аспектах связи между формой и значением слова // Текст как психолингвистическая реальность / отв. ред. Ю.А. Сорокин. Москва, 1982. С. 42–60.
- Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. 219 с.
- Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. Москва: АСТ, 2013. 320 с.
- Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 253 с.
- Ляпон М.В. «Грамматика» самооценки // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Москва: Наука, 1992. С. 75–89.
- Мандрикова Г.М. Таронимия как лингвистический объект. Новосибирск: Новосибирский гос. техн. ун-т, 2011. 150 с.
- Меркулов И.П. Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познание / отв. ред. И.П. Меркулов. Москва: ЯРК, 2000. С. 70–83.
- Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). Москва: АО «Астра семь», 1997. 414 с.
- Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. 228 с.
- Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. Москва: Флинта, 2006. 344 с.

Норман Б. Сдвиг в значении, основанный на формальном сходстве слов // *From Poets to Padonki. Linguistic Authority & Norm Negotiation in Modern Russian Culture* / Ed. by I. Lunde & M. Paulsen (Slavica Bergensia 9). Bergen, 2009. С. 228–251.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики. Минск, 2011. 131 с.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2017. 592 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.

Супрун А.Е. Лекции по языковедению. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. 144 с.

Ушакова Т.Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. Психофизиологические механизмы внутренней речи. Москва: Наука, 1979. 248 с.

Химик В.В. Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011, № 6 (2). С. 717–720.

Buttler D. *Polski dowcip językowy*. Warszawa: PWN, 1974. 421 p.

Crystal D. *Language Play*. Penguin Books, 1998. 249 p.

Dönninghaus S. *Die Vagheit der Sprache. Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftsprache*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. 658 p.

Fónagy I. *Languages Within Language. An evolutive approach*. Amsterdam / Philadelphia, 2001. 820 p.

Kainz F. *Psychologie der Sprache. Vierter Band. Spezielle Sprachpsychologie*. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag. 1967. 537 p.

References

Adamovich S.V. *Semanticheskaja kategorija approksimacii i sistema sredstv ee vyrazhenija* [Semantic category of approximation and system of means of its expression]. Grodno, GrGU im. Ja. Kupaly Publ., 2011. 184 p.

Gumbol'dt V. fon. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected linguistic works]. Moscow, Progress Publ., 1984. 398 p.

Zade L. *Ponjatie lingvisticheskoj peremennoj i ego primenenie k prinjatiju priblizhennyh reshenij* [The concept of a linguistic variable and its application to approximate reasoning]. Moscow, Mir, 1976. 165 p.

Zalevskaja A.A. *O nekotoryh aspektah svjazi mezhdu formoj i znacheniem slova* [On some aspects of the relationship between form and meaning of the word]. *Tekst kak psiholingvisticheskaja real'nost'* [Text as a psycholinguistic reality] / otv. red. Ju.A. Sorokin. Moscow, 1982, pp. 42–60.

Kostomarov V.G. *Jazyk tekushchego momenta: ponjatie pravil'nosti* [Language of the moment: the concept of correctness]. SPb., Zlatoust Publ., 2014. 219 p.

Krongauz M.A. *Samouchitel' Olbanskogo* [Text-book of “Olbantsky” language]. Moscow, AST Publ., 2013. 320 p.

Lurija A.R. *Osnovnye problemy nejrolingvistiki* [Basic problems of neurolinguistics]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1975. 253 p.

Ljapon M.V. “Grammatika” samoocenki [“Grammar” of self-appraisal]. *Russkij jazyk: Problemy grammaticheskoi semantiki i ocenochnye faktory v jazyke* [Russian: Problems of grammatical semantics and evaluation factors in the language]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 75–89.

Mandrikova G.M. *Taronimija kak lingvisticheskij object* [Taronomy as a linguistic object]. Novosibirsk, Novosibirskij gos. tehn. un-t Publ., 2011. 150 p.

Merkulov I.P. *Kognitivnye tipy myshlenija* [Cognitive types of thinking]. *Evoljucija. Jazyk. Poznanie* [Evolution. Tongue. Cognition] / otv. red. I.P. Merkulov. Moscow, JaRK Publ., 2000, pp. 70–83.

Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znam) [Russian agnonima (words that we do not know)]. Moscow, АО «Astra sem'» Publ., 1997. 414 p.

Norman B.Ju. Grammatika govorjashhego [A grammar of the speaker]. SPb., Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta Publ., 1994. 228 p.

Norman B.Ju. Igra na granjah jazyka [Game on the facets of the language]. Moscow, Flinta Publ., 2006. 344 p.

Norman B. Sdvig v znachenii, osnovannyj na formal'nom shodstve slov [Change in meaning based on formal similarity of words]. *From Poets to Padonki. Linguistic Authority & Norm Negotiation in Modern Russian Culture* / Ed. by I. Lunde & M. Paulsen (Slavica Bergensia 9), Bergen, 2009, pp. 228–251.

Norman B.Ju. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Minsk, 2011. 131 p.

Radbil' T.B. Jazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazhenija [The language and the world: paradoxes of the interaction]. Moscow, Izdatel'skij Dom JaSK Publ., 2017. 592 p.

Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka [The dictionary of associative norms of the Russian language] / pod red. A.A. Leont'eva. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1977. 192 p.

Suprun A.E. Lekcii po jazykovedeniju [Lectures on linguistics]. Minsk, Izd-vo BGU im. V.I. Lenina, 1978. 144 p.

Ushakova T.N. Funkcional'nye struktury vtoroj signal'noj sistemy. Psihofiziologicheskie mehanizmy vnutrennej rechi [Functional structures of the second signal system. The psychophysiological mechanisms of inner speech]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 248 p.

Himik V.V. Diffuznoe var'irovanie slov, znachenij i formantov v russkoj razgovorno-obihodnoj rechi [Diffuse variation of words, meanings and formats in spoken Russian]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2011, no 6 (2), pp. 717–720.

Buttler D. Polski dowcip językowy [Polish language joke]. Warszawa, PWN Publ., 1974. 421 p.

Crystal D. Language Play. Penguin Books, 1998. 249 p.

Dönninghaus S. Die Vagheit der Sprache. Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftsprache [The vagueness of the language. History of terms and functional description based on the Czech scientific language]. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag Publ., 2005. 658 p.

Fónagy I. Languages Within Language. An evolutive approach. Amsterdam / Philadelphia, 2001. 820 p.

Kainz F. Psychologie der Sprache [Psychology of language]. Vierter Band. Spezielle Sprachpsychologie. Stuttgart, Ferdinand Enke Verlag, 1967. 537 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета; ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии Уральского федерального университета

Белорусский государственный университет

Беларусь 220030 Минск, ул. К. Маркса, 31

Уральский федеральный университет

Россия 620083 Екатеринбург, пр. Ленина, 51, Филологический факультет УрФУ

E-mail: boris.norman@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Norman Boris Yustinovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics of the Belarusian State University; Leading Researcher, Problem Laboratory of Computer

Lexicography, Ural Federal University

Belarusian State University

Belarus 220030 Minsk, ul. K. Marx, 31

Ural Federal University

Russia 620083 Ekaterinburg, Lenin Ave., 51, Faculty of Philology, UrFu

E-mail: boris.norman@gmail.com